А. В. СТОГОВА

Стогова Анна Вячеславовна
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник,
Отдел историко-теоретических исследований,
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119774, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (495) 938-12-02
доцент, кафедра истории и теории культуры,
факультет культурологии,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-68-27
E-mail: anna100gova@yandex.ru

Сэмюэль Пипс и торжественные обеты

Аннотация. Проблематику времени автор рассматривает в ее взаимосвязи со становлением субъективности в европейской культуре раннего Нового времени. В центре внимания находится дневник английского чиновника XVII в. Сэмюэля Пипса, который часто рассматривается исследователями в качестве образцового свидетельства как новых представлений о времени, связываемых с появлением индивидуальных часов с плавным ходом стрелок, так и формирования европейского индивида. В данной статье на первый взгляд вполне традиционные практики обетов Богу, которые нашли отражение в дневнике, анализируются в контексте проблемы индивидуализации и приватизации времени. Они рассматриваются как попытки манипуляции со временем, конструирования собственной темпоральности ради достижения определенных прагматических целей. Это позволяет рассуждать о практиках самодисциплинирования, становлении субъективности и разделении «частного» и «публичного», лежащего в основе этих практик.

Ключевые слова: Сэмюэль Пипс, дневник, субъективность, темпоральность, самодисциплинирование, обеты

Одной из составляющих трансформаций европейской культуры раннего Нового времени считается изменение всего комплекса представлений о времени, которое связывают с очевидными культурными и социальными новшествами, распространением и совершенствованием часов, развитием науки, новыми формами религиозности, секуляризацией и т. д. В числе новых практик и типов текстов, дающих возможность изучать особенности структурирования времени в сфере повседневной культуры и потому привле-

© А. В. СТОГОВА DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-3-97-114

кающих особое внимание исследователей, выделяются дневники, среди которых особняком стоит дневник английского чиновника Управления флотом Сэмюэля Пипса. «Журнал», который Пипс вел с 1660 по 1669 г., известен, с одной стороны, как один из самых ценных источников по истории повседневной культуры Англии второй половины XVII в., благодаря удивительному стремлению автора фиксировать в тексте самые разнообразные подробности своего опыта, а с другой — как чуть ли не эталон дневниковых записей, по которому исследователи оценивают все прочие тексты подобного рода. Последнее связано во многом именно с вопросами темпоральности, поскольку «Журнал» Пипса — это самый ранний из известных примеров текстов, буквально соответствующих понятию дневника — записей, репрезентирующих частную жизнь автора, которые ведутся по дням, без темпоральных пропусков. Тот факт, что автор этого крайне необычного для XVII столетия текста был к тому же чиновником и большим поклонником новой науки, членом и одно время даже главой Лондонского королевского общества, позволяет исследователям представить «Журнал» Пипса в качестве показательного текста, отражающего самые новые, «научные» представления о времени. Они часто отмечают отраженный в дневнике энтузиазм Пипса, связанный с обладанием собственными часами с минутной стрелкой[1], видя в нем свидетельство увлеченности возможностью измерения времени и изучения темпоральной организации своей жизни.

В первую очередь исследователи обращают внимание на структуру дневника, которому свойственно гомогенное, непрерывное линейное нарративное время, конструируемое «посредством двойной стратегии заполнения: целостного нарратива внутри каждого дня и календарной непрерывности описываемых дней» [Sherman 1996: 35]. Стюарт Шерман проводит связь между такой новой моделью дневника и распространением карманных часов с минутной стрелкой, показывавших плавный и непрерывный ход времени. Кроме того, приватность дневника и по содержанию, и по форме (он записан при помощи стенографии), по мнению историков, свидетельствует о выделении автономной частной сферы и в том числе особого приватного модуса темпоральности. Шерман приходит к заключению, что Пипс как автор дневника присваивает себе значительную меру свободы и индивидуальности, он «может стремиться к дисциплине времени, но не обязательно становится ее жертвой, может наблюдать за собой и описывать себя без того, чтобы стать, говоря словами Фуко, “началом собственного подчинения”, и может даже увидеть в дисциплине инструмент освобождения и автономии» [Ibid.: 35].

Дневник и конструируемое в нем время рассматриваются в связи со становлением буржуазной субъективности и самоконтроля [Hill 1985; Baker 1995; Turner 1995; Berger 2005; Robertson 2005]. В частности, Гарри Бергер подчеркивает обманчивость впечатления о непосредственности дневника и поденной непрерывности его времени, он обращает внимание на различие между темпоральностью актов письма и конструируемым временны́м континуумом

[1] Ср., например: «Но, Боже мой, мне по-прежнему настолько свойственно безумство и ребячество, что, едучи в экипаже, я не могу не держать целый день свои часы в руках и не поглядывать тысячу раз, который нынче час, и не спрашивать себя, как же я до сих пор без них обходился» [Pepys 2000 (5): 101 (13.05.1665)].

описываемой в ходе письма повседневной жизни Пипса, о чем свидетельствуют не только замечания самого Пипса, но и цвет чернил, и ровность строк. «Журнал» является вторичным текстом, куда Пипс задним числом (иногда — месяцы спустя) переносил свои заметки, добавляя и наблюдения о себе самом, ведущем дневник. Бергер отмечает, что Пипс как автор дневника репрезентирует себя одновременно и как «описываемое Я», представленное в разбитом на даты континууме повседневной жизни, и как «пишущее Я», представленное в последовательности актов письма [Berger 2005: 235]. В первую очередь исследователя интересуют нарративные приемы конструирования собственного образа. Различные темпоральности, в которых представлено описываемое Я, имеют для исследователя значение как свидетельство присутствия «пишущего Я», которое видит «описываемое Я» в качестве референта. Бергер подчеркивает, что все, что мы можем сказать о характеристиках времени в дневнике Пипса, будет иметь отношение не к самой проживаемой им жизни, а к способам ее документирования. Он анализирует различные нарративные приемы, такие как известная всем читателям дневника Пипса формула, завершающая каждую запись, — «и в постель» (and so to bed), использование согласований времен, различных вводных слов, предлогов и т. п., отмечающих временну́ю последовательность и длительность (up to, so, thence, after, all the morning), даже ритмизированность, задаваемую используемой Пипсом формой стенографии, — приемы, которые формируют ощущение времени, ассоциируемое читателем с самой описываемой жизнью. Это ощущение в первую очередь связано с движением времени и его неповторимостью, когда каждый день не похож на другие. При этом Бергер выдвигает предположение, что нарративная форма дневника определяет не только ту картину жизни, которая в нем отражена, но и саму жизнь [Ibid.: 244]: нередко в своих поступках Пипс руководствовался мыслью о том, что будет достойно записи в его «Журнале», и рассматривая последний как способ «самособирания» (self re-collecting), формирования не только образа, но и самого Я.

В большинстве исследований речь идет именно об ощущении времени, непрерывно движущегося вперед, о власти и удовольствии, получаемых человеком, имеющем возможность точно измерять время и контролировать его ход, которые отражены в дневнике Пипса. Однако Пол Гленни и Найджел Фрифт в исследовании по истории практик хронометрирования отмечают, что даже часы без минутной стрелки задолго до изобретения пружинного механизма давали эту возможность, поскольку могли показывать «длящееся» и довольно точное время благодаря плавному ходу часовой стрелки и наносимым на циферблат делениям ½, ¼ и даже ⅛ часа. И многие авторы дневников до Пипса вели свои записи с бóльшей точностью в отношении времени, указывая в тексте часы, а то и минуты происходящих событий. Пипс же, несмотря на увлеченность наукой и своими новыми часами, нечасто обозначал точное время, как правило, ограничиваясь указанием на время суток или используя такие характеристики, как «рано» и «поздно», «потом», «вскоре». Его пунктуальность касалась только календарных дат [Glennie, Thrift 2009: 198]. Появление у него часов с минутной стрелкой почти ничего не изменило в этом отношении, он крайне редко дает нам понять, знал ли он точное время тех или иных событий и каким образом получал эту информацию.

Гленни и Фрифт обращают внимание и на то, что тексты Джона Донна и Сэмюэля Пипса, которые Шерман использовал для противопоставления старой дискретной модели времени, отмеченной отдельными значимыми событиями, словно ударами колокола или «рывками» стрелки часов, подобной греческому καιρός, и новой, связываемой с появлением часов с минутной и секундной стрелками, непрерывной, гомогенной модели времени χρόνος, в первую очередь различаются задачами, которые ставят перед собой авторы [Ibid.: 201]. На основе их рассуждений можно выстроить предположение, что эти (и, вероятно, не только эти) модели могли сосуществовать, могли использоваться одним и тем же человеком.

Действительно, линейное необратимое время, в котором жизнь представлена в череде сменяющих друг друга неповторимых дней, — это отнюдь не единственная модальность времени, в которой выстраивается и репрезентируется жизнь Пипса. Внутри строгой последовательности календарных дней, подчеркивающей необратимость движения времени, ибо в нем «нет двух одинаковых записей, поскольку в жизни Пипса не было двух одинаковых дней» [Taylor 1989: 4], Пипсу видится череда повторов и возвращений, которые имеют место наряду с очевидной неповторяемостью. В качестве примера можно обратить внимание на уникальную (как и все остальные), но ничем не примечательную запись от 1 января 1662 г.:

> Этим утром, внезапно проснувшись, я сильно ударил мою жену локтем по лицу и носу, и от боли она проснулась, отчего мне было ее очень жаль, и снова уснул.
> Встал и отправился с сэром У. Пенном в коляске к Вестминстеру и по дороге, увидев, что сегодня играют «Испанского священника», я загорелся [посмотреть пьесу], и он отправился дальше один, а я снова домой и послал за молодым г-ном Пенном и его сестрой договориться вскоре пойти с ними и моей женой в театр.
> После этого г-н У. Пенн пришел ко мне, и мы с ним [отправились] к книготорговцу, и посмотрели некоторые картины и карты для моего дома, и затем снова домой обедать, и один за другим пришли оба молодых Пенна. И после того как мы съели баррель устриц, отправились в коляске и посмотрели пьесу. Она хороша и неплохо сыграна, только Диего пономарь слишком переигрывал.
> Засим домой, и они сидели у нас за картами допоздна, и было очень весело, а более всего смеялись над г-ном Пенном, который забыл в коляске свою шпагу, побежал с моим слугой за коляской и по великому счастью нагнал ее у Биржи и получил свою шпагу обратно. Засим в постель [Pepys 2000 (3): 1 (01.01.1662)].

В первую очередь эти повторения имеют отношение к пространственным перемещениям, поскольку в течение дня Пипс мог несколько раз возвращаться не только домой или в присутствие, но и в другие места по делам службы или из личного интереса. Однако слова, которыми эти события обозначаются в тексте (again, back или back again), отсылают и к возвращению в некоторое исходное состояние, и таким же образом маркируются другие события, не имеющие отношения к перемещению в пространстве: «снова уснул», «полу-

чил свою шпагу обратно». Так же каждый раз, наладив отношения с женой после очередной размолвки из-за своих любовных похождений, Пипс замечает «и [мы] снова друзья».

Можно предположить, что не только способность самому измерять время, следить за его ходом и осознавать и/или конструировать свою индивидуальность через образ «своего», непохожего ни на чье другое в своей наполненности времени, и неповторимость каждого его момента является значимой для ощущения автономности индивида. Рассуждения Г. Бергера, а также П. Гленни и Н. Фрифта подводят к мысли о том, что не меньшее значение имеет возможность выбора удобного модуса времени, а то и вовсе — манипуляций со временем, конструирования собственной темпоральности, вовсе не обязательно только той, которая видится исследователям «новой». И изучение дневника Пипса может быть очень плодотворным в этом отношении.

Едва ли невнимание Пипса (субъекта письма и одновременно субъекта описываемого действия) к тому, в какой конкретно момент времени происходило то или иное событие его жизни, может служить основанием для того, чтобы констатировать, что магия ощущения власти над временем не имела для него никакого значения или что «пишущее Я», педантично укладывающее все события жизни в линейную последовательность четко отмеренных временны́х промежутков, сильно отличалось от «описываемого Я» живущего с бесшабашностью человека, которому незачем постоянно соотносить свои действия с ходом времени. Шерман, безусловно, прав, подчеркивая ощущение постоянной включенности в темпоральное движение, которое присутствует в дневнике. Хоть Пипс и не дает нам понять, насколько внимательно он относился к показаниям стрелок на своих часах, обилие вводных конструкций и предлогов, связанных именно с движением времени (a long time, so much time, some time, a little time, no time, by and by и т. д.), показывает его чувствительность к этой стороне жизни:

> Встал и сделал некоторые дела в своей комнате, а вскоре (by and by) пришел лютнист для моего слуги, и я приказал ему отныне (hereafter) начать учить его играть свою партию на теорбе[2], что он сможет сделать, я надеюсь, уже в скором времени (in a little time). Затем (so) в присутствие, где был с сэром У. Уорреном, с которым мы уже довольно давно не проводили времени вместе (spent no time a good while) [Pepys 2000 (7): 226–227 (30.07.1666)].

Однако, вопреки утверждению Г. Бергера, эту чувствительность к ходу времени нельзя свести к особенностям создаваемого нарратива. Описываемые в тексте события и поступки, как и сами нарративные конструкции, которые их описывают, свидетельствуют, что Пипсу были знакомы и спешка, и нехватка времени, и различные способы заставить время работать на себя.

Еще Кристофер Хилл обратил внимание на обеты, которые приносил Пипс, «чтобы держать под контролем свою любовь к театру и выпивке и сосредоточиться на работе и своих финансах» [Hill 1985: 266]. В первую очередь Хилла заинтересовало то, что, вновь и вновь сталкиваясь с искушением на-

[2] Теорба — струнный щипковый инструмент, разновидность лютни.

рушить собственный обет, Пипс идет на всевозможные «комические увертки и самообман» [Ibid.: 266], позволяющие увильнуть от данного слова, которые он, однако, старательно записывает в дневнике. Не только Хилл, но и другие исследователи видят в этом самодовольство изворотливого человека — черту «новоевропейского субъекта», которого обнаруживают и в других поступках Пипса, нашедших отражение в дневнике. Гарри Бергер, в свою очередь, отмечал, что это самодовольство связано не столько с самим поступком, сколько с записью о нем, ибо во всех упоминаемых Хиллом случаях мы видим Пипса «рассказывающим, вновь воспроизводящим рациональные доводы и увиливания слабовольным любителем театра и выпивки» [Berger 2005: 236] и имеем дело в первую очередь с актом саморепрезентации.

В данной статье обеты, приносимые Пипсом, будут интересовать нас в первую очередь в контексте представлений о времени или, точнее, конструирования темпоральностей посредством не только выстраиваемого нарратива, но и других практик, позволяющих организовать свою жизнь вокруг создаваемых дискретных временны́х циклов. Такая модель времени видится сейчас более традиционной, нежели модель непрерывного линейного времени, и потому представляется интересным узнать, какова ее роль в жизни человека Нового времени и какую роль она могла играть (и могла ли) в становлении субъективности.

Речь идет о том, что, получив новую должность клерка в Управлении флотом и окунувшись в мир удовольствий, которые позволял ему новый доход, Пипс довольно быстро обнаружил, что ему необходимо умерить свои траты, если он хочет достичь благосостояния. Одним из способов самоконтроля становятся обеты ограничить себя в тех или иных удовольствиях, среди которых в дневнике выделяются те, что связаны с театром и вином. Были и другие обеты, и, по всей видимости, немало, ибо Пипс взял за правило записывать их на отдельный лист бумаги и носить с собой, с тем чтобы периодически перечитывать их для укрепления духа (и обязательно — перед сном в воскресный день). Пипс использует слово «клятва» (oath), но мы имеем основания говорить об обетах воздержания, поскольку всегда речь идет о данных Богу обещаниях выполнить добровольно взятые на себя обязательства, ограничивающие те или иные «удовольствия», которые сам Пипс явно не считал совершенно невинными. Они хорошо перекликаются с идеями протестантской этики, какими их описал Макс Вебер. Слово, данное не себе, а Богу, явно имеет бóльшую силу — Пипс ни разу не посмел просто игнорировать или отказаться от данного обещания[3], и именно Бога он каждый раз благодарит за то, что смог сдержать обет, и за то, что тот принес пользу.

Вместе с тем эти обеты имеют лишь косвенное отношение к стремлению вести благочестивый образ жизни. Воздержание отнюдь не было самоцелью (хотя Пипс и подмечает преимущества трезвого состояния ума). Задача, которую они должны были помочь решить, была весьма прагматической: «моя совесть знает, что этими обетами я только собирался сэкономить деньги и время» [Pepys 2000 (5): 78 (08.03.1664)]. Когда обет нарушен в силу обстоятельств или не по своей воле, Пипс оценивает «ущерб» в первую очередь с финансовой

[3] Исключение составляют обеты не видеться с любовницами, данные вопреки своей воле. См. об этом ниже.

точки зрения. В случае если это не повлекло никаких трат, он с чистой совестью полагает, «что клятва не была нарушена, и даже суд Всемогущего Господа не постановил бы иначе» [Ibid.: 282 (28.09.1664)]. Клэр Томалин отмечает «моральную бухгалтерию» [Tomalin 2002: 156] Пипса: за свои прегрешения и нарушения обетов он также предпочитал расплачиваться деньгами (отдавая их бедным), полагая это подобающим наказанием. И поскольку состояние Пипса росло с каждым годом, в последние два года, которые покрывает дневник, траты перестают тревожить Пипса, и в то же время почти исчезают записи о приносимых им обетах.

На них, возможно, никто и не обратил бы внимания, если бы не всевозможные уловки, при помощи которых Пипс пытается обойти добровольно данное слово (подробнее об обмане и самообмане в дневнике Пипса см.: [Стогова 2017]). Так, 17 февраля 1662 г. он пишет:

> Здесь я был вынужден выпить вина, ибо мне было плохо от желания выпить, и я считаю небезосновательными опасения (I find reason to fear), что слишком резкий отказ от вина может сильно мне навредить [Pepys 2000 (3): 31 (17.02.1662)].

Самой простой хитростью было выпить не вина, упомянутого в обете, а какого-нибудь другого напитка — более дешевого эля, а то и чего-нибудь более крепкого:

> …мы выпили по кружке спирта, что я сделал исключительно из соображений здоровья, а также полагая, что обет не предписывает мне отказываться от него. Но больше так делать я не намерен, надеюсь, что и случая такого не представится [Ibid. (4): 284 (22.08.1663)].

Пипс, как истинный чиновник, прекрасно различает буквальное значение своих обетов и их общую идею. Зазор между ними позволяет в каждом конкретном случае лавировать, делая выбор либо в пользу «совести», либо в пользу удовольствий. Справедливости ради надо отметить (вслед за Пипсом), что нередко ему удается удержаться от соблазна:

> Я и сам хотел выпить немного вина, чтобы согреть живот, но добровольно воздержался ради своего обета, зато потом был этому очень рад и доволен, ибо это всегда помогает мне сохранить столь отменную ясность ума, что я надеюсь и впредь не отказываться от этой практики [Ibid. (4): 341 (20.10.1663)].

Искушение театром преподносится в «Дневнике» как более сложное, требующее определенной внутренней борьбы или по меньшей мере диалога с самим собой:

> …ушел с обеда так быстро, как только смог, и отправился в оперу в величайшем смятении, споря с самим собой (два или три раза разум брал верх над чувствами (my reason stopping my sense), и я возвращался обратно), и посмотрел «Хитреца», чего не должен был делать

> без жены, хотя мой срок, с которым это связано, уже вышел. Но, Боже мой! Сколь сильна моя природная склонность к удовольствиям! Хвала Господу, что он дал мне силы обуздывать ее при помощи моих недавних обетов, как я это делал и буду делать вновь после еще двух или трех пьес [Ibid. (3): 294 (26.12.1662)].

В первую очередь исследователи упоминали об этих обетах в связи с проблематикой становления субъективности в европейской культуре и самоконтроля — ограничений, которые человек сам себе устанавливает, пытаясь регулировать свое поведение. Клэр Томалин называет это «моральной суетностью», отмечая, что Пипс дает обеты, «которые метят выше того, на что он в действительности способен» [Tomalin 2002: 225]. Однако само внимание, которое Пипс уделяет этим «уловкам» в своем дневнике, говорит о том, что самоконтроль не стоит понимать лишь как стойкость перед лицом соблазна, это еще и умение найти правильный аргумент, чтобы уступить ему, сохранив мир с самим собой. Г. Бергер подчеркивал, что текст дневника свидетельствует о том, что Пипсу было важно представить имеющим власть над самим собой, и главным способом самоконтроля, всегда выручающим его, являлось само ведение дневника, фиксирование в тексте всех своих поступков, как хороших, так и дурных, свидетельствующих как о силе разума, так и о слабости воли, ибо, описав даже самые невзрачные из них, он обретал над ними власть [Berger 2005: 244]. И самодовольство, сквозящее в тексте дневника, исследователь связывал с этим «самособиранием».

Вместе с тем противопоставление «Я описываемого» и «Я пишущего», которое акцентирует Бергер, едва ли является продуктивным во всех случаях. Очевидно, что самоконтроль не сводился к ведению дневника, о чем ярко свидетельствует практика обетов, к которой прибегает Пипс и которая возвращает нас к идее контроля над временем. «Мой срок», об окончании которого идет речь в предыдущей цитате из дневника Пипса, имеет отношение как раз к данному им обету. Каждый из них давался на определенный период времени. В первые годы ведения дневника по окончании календарного года, когда приходило время платить по счетам, Пипс отмечал, что возобновляет свои обеты. Впоследствии, когда его состояние начинает неуклонно расти, записи об этом исчезают, но сохраняются упоминания об обетах, возобновляемых в течение года. Первое упоминание об обетах относится к 31 декабря 1661 г., в середине февраля следующего года, как уже отмечалось, он выпил вина, чтобы избежать последствий слишком резкого отказа от алкоголя, а уже 3 марта Пипс пишет:

> Все утро дома в делах с моим братом Томом, а затем и с г-ном Муром. Потом засел за составление строгих правил в отношении моих будущих расходов, которые перед лицом Господа взялся соблюдать, принеся клятву, под угрозой наказания, которое также прописал. Я не сомневаюсь, что в будущем смогу дать хороший отчет о своей жизни и буду богатеть, ибо я получил больше удовольствия за те несколько дней, что я разумно распоряжался делами, нежели от всех развлечений целой недели, после которых к тому же я, насколько помню, всегда волнуюсь из-за своих трат [Pepys 2000 (3): 40 (03.03.1662)].

Мы ничего не знаем о том, на какой срок давался обет, кроме той информации, что конец каких-то обетов приходился на конец финансового и календарного года (по новому стилю), а другие возобновлялись на его протяжении. В любом случае такие обеты непосредственно связаны с идеей власти над временем. Речь идет не только об установлении своих собственных интервалов, при помощи которых регламентируется повседневная жизнь с целью экономии и денег, и самого времени. Важно и то, что эта регламентация нужна для обретения контроля не столько над текущей реальностью, сколько над собственным будущим. Она должна обеспечить последующее комфортное и достойное существование.

Очевидным образом речь идет о самодисциплинировании, предусматривавшем наказание и дававшемся не так-то легко. Пипс считал необходимым представить в дневнике случающиеся порой мучительные внутренние диалоги. Различная степень неудовлетворенности собой в связи с получаемыми удовольствиями (не только ограниченными обетами) породила и очень разнящиеся оценки исследователей, начиная от мнения, что получающий запретные удовольствия Пипс описан в дневнике по принципу «на самом деле я не такой» [Baker 1995: 53], до утверждений, что «в душе он полагал, что возможно было бы лучше оставаться самим собой, простым любителем удовольствий» [Tomalin 2002: 225]. Интересно, что свою внутреннюю борьбу Пипс описывает не как борьбу с пагубными соблазнами, и само внимание к ней позволяет предположить, что ее целью виделось не жесткое обуздание пороков, а достижение разумной умеренности, баланса между «естественным стремлением к удовольствию» и совестью/разумом (conscience), для чего идут в ход самые разные аргументы:

> Засим домой, куда пришел и обедал со мной Ллуелин, но мы не стали засиживаться за обедом, поскольку [в этот день] играли «Ираклия», которого мы с женой очень хотели посмотреть. И потому мы решили, хотя и не вполне в согласии с буквой моего обета, но полностью в соответствии с его смыслом, посмотреть еще одну [пьесу] в этом месяце, отправившись сюда, а не на придворную постановку[4], тем более что там и не было ни одной с тех пор, как я дал обет, и вряд ли будет в этот Великий пост. И кроме того, мы пошли домой пешком, чтобы этот выход был не дороже, чем если бы мы посмотрели пьесу при дворе, а моя совесть знает, что этими обетами я только собирался сэкономить деньги и время, и эта пьеса обошлась не дороже ни в одном отношении. Так моя совесть и постановила перед Богом после доброго размышления и решения заплатить штраф, если решит, что я нарушил обет. И я не нахожу в себе ни малейшего беспокойства о том, что хотя бы немного нарушил свои клятвы [Pepys 2000 (5): 78 (08.03.1664)].

[4] В обетах, как видно из записи от 8 мая 1663 г., которая приведена ниже, Пипс оговаривал право ходить на придворные постановки, поскольку полагал, что его могли вынудить к этому деловые обязанности чиновника достаточно высокого ранга.

Удовольствие от эффекта такого «самособирания» рождается до записи в дневник, хотя, несомненно, тесно связано с тем удовольствием от документирования своих поступков, о котором писал Бергер. Эта практика регламентации повседневного времени обеспечивает Пипсу эту самую возможность (наряду, безусловно, с другими) получать удовольствие и от ведения дневника, фиксации во времени (и конструирования при помощи нарратива) усилий, способствующих постепенному, но неуклонному продвижению к статусу уважаемого, преуспевающего, влиятельного, управляющего собственной жизнью человека. В конце каждого года Пипс отмечал свою радость от того, что его благосостояние еще улучшилось, и благодарил Бога за то, что дал силы сдерживать свои траты. В последние два года Пипс чувствовал себя настолько уверенно, что перестал подсчитывать остаток средств после выплаты всех долгов.

В значительной мере это линейное движение вперед (о котором уже многое написано) осуществлялось именно за счет создания собственных возобновляемых циклов, подчиняющихся обетам, а также перерывов между ними. Помимо умения уговорить свою совесть, эта прерывность между обетами является одной из основных уловок, о которых писал Кристофер Хилл. Прежде чем возобновить обет, Пипс на короткий период снимал все ограничения:

> Сегодня заканчивается срок моих обетов не пить вина и не ходить в театр, поэтому я решил позволить себе полную свободу на весь день, прежде чем приму их снова [Pepys 2000 (3): 207 (29.09.1662)].

Длительность таких перерывов могла определяться и по дням, и по количеству удовольствий — «еще две-три пьесы», что также давало определенные возможности для маневра:

> И я повел сэра У. Баттена и капитана Аллена в винный погреб к моему арендатору, сержанту Далтону, как я его называю, и там выпили изрядное количество разнообразных вин, больше, чем я когда-либо выпивал за раз, чего не буду делать теперь довольно долго, когда вернусь к своим обетам, что я намерен осуществить через денек-другой [Ibid. (4): 4 (05.01.1663)].

Каждый новый обет описывается как возобновление, возвращение в определенное состояние, которое характеризуется в первую очередь более строгим контролем со стороны совести. Но при этом каждый такой собственный сконструированный циклический период, принудительно возвращающий на исходную позицию, оказывается вписан в линейное время не только собственного движения к благополучию, но и общекультурных изменений. Период Реставрации — это время и восстановления социальной жизни (кипящей как раз в тавернах и кофейнях), и расцвета театральной культуры после запретов Протектората. В столице то и дело открывались новые театры, ставившие Пипса перед все новыми соблазнами. Так, сходив с женой в только что открывшийся Королевский театр на Друри-лейн, он делает запись в дневнике:

> И хотя мой обет, ограничивающий походы в театр, не распространяется на этот, ибо его еще не было [когда я приносил клятву], все же,

> полагая, что мое намерение касалось всех публичных театров, я решил отказать себе в удовольствии посмотреть две пьесы при дворе, которые мне причитались за март и апрель, что более чем уравновесит это излишество в мае, так что этот май будет первым месяцем, в котором мне придется использовать свое право, оговоренное в обете, ходить на придворные постановки [Ibid. (4): 128–129 (08.05.1663)][5].

С этой точки зрения можно говорить о том, что главной уловкой Пипса являются вовсе не те многочисленные хитрости, на которые он идет, чтобы под благовидным предлогом увильнуть от данного обещания, а сами обеты, в которых он задействует свою религиозность, страх отступить от обещания, данного Богу, в качестве принуждающей силы, которая позволяет осуществлять самоконтроль в собственных же интересах, обеты, создающие искусственную приватную и контролируемую темпоральность, выпадающую из общего хода времени и позволяющую его корректировать. Эта уловка позволяет перехитрить самого себя ради собственного же блага. Освоившись с ней и оценив благотворный эффект такого рода практик, Пипс начинает использовать их в качестве стимула, мотивирующего на выполнение разного рода обязанностей, как личных, так и служебных. С 1664 г. он использует обеты в качестве личного «дедлайна», давая зарок выполнить то или иное дело к определенному сроку, чтобы принудить себя заниматься делами, а не развлечениями:

> …затем домой просмотреть некоторые бумаги, касающиеся Бремтона, которые я поклялся отправить прежде, чем позволю себе полчаса какого бы то ни было удовольствия [Ibid. (5): 195 (02.07.1664)].

> Итак, домой обедать, а затем во второй половине дня повсюду с разными поручениями, выполняя собственный обет закончить до дня св. Варфоломея множество дел, на что осталась пара дней [Ibid. (5): 250 (23.08.1664)].

Даже сам дневник, в котором намеренно создается видимость непрерывных ежедневных записей, так точно подмеченная Бергером, и которую, в свою очередь, можно тоже оценить как уловку, включен в эту конструируемую темпоральность самодисциплинирования. Но если Бергер видел «пишущее Я», как возвышающееся над «описываемым», получающим удовольствие от процесса описания, то практика обетов показывает, что отношения между ними были более сложными. «Пишущее Я» было регламентировано теми самыми практиками, которое оно фиксирует в дневнике. Последовательность актов письма оказывается такой же сконструированной темпоральностью, как и поденная модель описанной в дневнике жизни, но сконструированной при помощи практики обетов, вынуждавших Пипса засесть за дневник:

---

[5] Этот пассаж с сокращениями приводится в издании выдержек из дневника Пипса, сделанном А. Я. Ливергантом: «И хотя данный мною обет не ходить более в театры, на этот не распространяется, ибо его еще не было, я вознамерился отказать себе в удовольствии посмотреть две пьесы, которые будут играться при дворе в марте и апреле, что более чем уравновесит сие излишество» [Пипс 2010: 153 (08.05.1663)].

> …я принялся за бумаги, чтобы привести все в порядок и во исполнение своего обета не целовать женщин и не пить вина, покуда не закончу свой «Журнал» и другие дела, что мне придется сделать (I must be forced to do) завтра, если я поеду в Гриневич, поскольку г-н Борман пригласил меня послушать пение Непп [Ibid. (7): 15 (14.01.1666)].

> …оттуда домой в свою комнату согласно обету закончить писать в «Журнал» [Ibid. (7): 25 (26.01.1666)].

> …встал и был очень занят выполнением обета закончить записи в «Журнал» за последние 7 или 8 дней [Ibid. (7): 40 (12.02.1666)].

Таким образом, очевидно, что создание собственных «удобных» темпоральностей не ограничивалось нарративными практиками. Помимо обетов в дневнике нашли отражения и другие манипуляции со временем. Самые показательные из них связаны с получаемыми Пипсом взятками. Получив в апреле 1663 г. письмо из рук одного из капитанов и поняв, что в нем находятся деньги, Пипс взял его, но пошел на хитрость:

> Однако вскрыл письмо не раньше, чем пришел в присутствие — разорвал конверт, не заглядывая внутрь и дождавшись, пока деньги сами не выпали наружу, чтобы потом сказать, если вдруг будут допытываться, что денег внутри не видал [Пипс 2010: 133 (03.04.1663)].

Этот эпизод часто привлекает внимание исследователей. В первую очередь они обсуждают удовольствие от собственной ловкости и чувство вины, которые должны стоять за этой уловкой, вроде бы имеющей целью не признавать получение взятки и в то же время дезавуированной в дневнике [Hill 1985: 267; Berger 2009: 236; Knights 2014: 23]. Однако не менее интересен и способ, которым Пипс добивается удовлетворяющего его развития событий, — попытка изменить ход времени, заставить события развиваться иначе, в соответствии с интересами самого Пипса. Еще раз получая взятку, он не просто отнекивается, а, как и в первом случае, принимая деньги, выстраивает ход событий таким образом, чтобы впоследствии иметь возможность утверждать, что он не требует и не берет взяток:

> Я говорил ему, что не попросил бы ничего от его прибыли, даже будь она много больше ожидаемой, и не стану просить много сейчас, но если бы он мог дать мне пятьдесят монет, мне этого будет достаточно. Вот он и принес что-то, завернутое в бумагу, что впоследствии оказалось теми пятьюдесятью монетами. Но прежде чем взять их, я сказал ему, что ничего не требую, и просил его подумать, может ли он позволить себе расстаться с ними. И таким образом я отверг их один или два раза, пока он не предложил их мне в третий раз, и тогда уже взял [Pepys 2000 (8): 548 (26.11.1667)].

Как и в случае с обетами, Пипс навязывает собственную темпоральность, определяющую выгодный ход событий — тот, что должен обеспечить именно

такое будущее, которое устраивало его самого в наибольшей степени. Я, конструируемое Пипсом посредством и подобных практик, и создания нарратива о самом себе, также является своеобразным проектом, обращенным в будущее, удовольствие от постепенной реализации которого находит отражение в дневнике сейчас и найдет впоследствии: «я не сомневаюсь, что в будущем смогу дать хороший отчет о своей жизни и буду богатеть» [Ibid. (3): 40 (03.03.1662)].

Эта власть над временем, связанная не с возможностью уследить за ним, а со способностью влиять на его движение, позволяет несколько иначе посмотреть и на проблему частного и публичного, нежели это делал Стюарт Шерман, а также многие другие авторы, подчеркивавшие значимость самоцензурирования, поиска внутреннего контроля над самим собой, приводящих к противопоставлению «публичной персоны» «внутреннему Я» частного человека [Baker 1995; Robertson 2005]. Противопоставление дисциплинирования, в том числе и темпорального, осуществляемого в закрытом пространстве приватного дневника (в рамках которого оно является способом достижения автономии и индивидуальности), тому, что имеет место в публичной служебной деятельности Пипса, где то же дисциплинирование служит механизмом контроля и подчинения, не вполне работает в случае с обетами Пипса.

С одной стороны, если рассматривать обеты как практики самодисциплинирования, то следует отметить, что они в равной мере касаются и ведения дневника, и исполнения служебных обязанностей, и разного рода удовольствий. Самодовольство «внутреннего Я» покоится в первую очередь на успехах Пипса как публичной персоны, и самодисциплинирование, а также внимание к внутренней не-цельности, к противоречиям между различными желаниями, должны были способствовать этим успехам и возможности последующей их репрезентации. Некоторые исследователи уже отмечали, что едва ли правильно описывать Пипса как самодовольного автономного субъекта, хотя бы потому, что для него в первую очередь было важно осознание себя как члена сообщества, в особенности профессионального, и лишь во-вторую как индивида, обладающего особым внутренним миром [Turner 1995; Dawson 2000], а также подчеркивали близость между служебным опытом чиновника и закрытым опытом происходящего в частной комнате [Kohlmann 2009: 568]. Обеты имеют своей целью обрести контроль прежде всего над этой публичной, видимой для всех персоной, причем даже не столько в настоящем, сколько в будущем. И все «диалоги с совестью», которые появляются в тексте дневника и могут быть расценены как внутренняя борьба, как внимание к своим переживаниям, желаниям и интересам, важны для демонстрации того, что успешное публичное будущее не пострадает от сиюминутного желания.

С другой стороны, самодисциплинирование и в «частной» сфере личных удовольствий, и в «публичной» сфере служебных обязанностей происходит не за счет подчинения себя времени, а за счет обретения власти над ним. Если воспользоваться аналогией с «паноптикумом», каким его описывали И. Бентам и М. Фуко, предлагаемой Шерманом [Sherman 1996: 35], Пипс хочет быть тем, кто надзирает, а не тем, кого контролируют. Он стремится к этому и в «частной», и в «публичной» жизни, и болезненные ситуации, связанные с ходом времени, навязанным другими людьми, также в равной степени свойственны им обоим.

В отношении своей служебной деятельности Пипс неоднократно упоминает о вынужденной спешке, вызванной сроками и объемом работы, порой его замечания довольно эмоциональны:

> Но, Боже мой, остается только сокрушаться о том, какую работу на нас взваливают, сколько хлопот у нас будет с тем, чтобы посвятить людей во все, что они должны знать, когда мы в такой великой спешке! Все это крайне печально и, я опасаюсь, будет иметь для нас плохие последствия. Оттуда в коляске на Биржу, оттуда домой обедать, и от количества дел сильно разболелась голова [Pepys 2000 (5): 319–320 (11.11.1664)].

На следующий день он «вскочил в страхе, что г-н Ковентри приехал в город и может находиться в моем офисе, поэтому побежал туда, не поев, не попив и не умывшись». Запись этого дня одна из самых коротких, ибо Пипс «был очень занят до самого вечера» [Ibid. (5): 320 (12.11.1664)].

Казалось бы, прекрасная иллюстрация печального опыта зависимого от всех чиновника среднего звена с нерегламентированным рабочим днем. И, безусловно, стремление Пипса к более высокому статусу — это стремление к власти и независимости. Однако и в частной жизни Пипс отнюдь не всегда был хозяином собственного времени, его супруга Элизабет всячески стремилась его контролировать, и эти ситуации были не менее болезненными:

> …я нашел свою жену крайне мной недовольной, из-за того, что я могу проводить столько времени с Мерсер[6], обучая ее пению, но никогда не даю себе труд заниматься с ней [Ibid. (7): 228 (30.07.1666)].

Она была посвящена и в обеты, приносимые Пипсом, и их нарушение (в особенности в одиночку) было чревато гневом не только Господа:

> Оттуда домой обедать и из дома один в Королевский театр на пьесу «Предатель», где, к несчастью, встретился с сэром У. Пенном. Теперь придется признаться во всем жене, что меня беспокоит [Ibid. (6): 9 (13.01.1665)].

Более того, в жизни Пипса была особая группа обетов (причем обетов бессрочных), навязанных женой, которая при помощи крика и слез (и даже угроз уйти из дому, постаравшись наделать как можно больше шума) вынуждала его дать слово никогда больше не видеться со своими любовницами. В дневнике переданы семейные скандалы, вызванные связью Пипса с собственной служанкой Деб (Деборой) Уиллет, которые описываются в первую очередь как сильнейший эмоциональный стресс от навязываемых женой ограничений и от неспособности совладать с самим собой, что и приводит к таким печальным последствиям:

> Так в смятении, печали и стыде, запечатлевшемся на лице моем и на сердце, в неимоверных страданиях, какие только могут быть ниспосланы человеку, провел я остаток дня, боясь, что история эта не

[6] Мэри Мерсер — компаньонка Элизабет Пипс, супруги Сэмюэля Пипса.

> кончится никогда; однако в конечном счете я вызвал У. Хьюера, которому во всем признался, после чего бедный малый, рыдая как ребенок, добился того, что не удалось мне, а именно взял с жены слово, что она успокоится, если я пообещаю ей никогда больше до конца дней моих не видеть Деб и не говорить с ней, точно также как я в свое время давал ей слово не видеть Пирс и Непп. И я дал, прости Господи, ей слово, что не увижусь и с Деб тоже, хотя, уверен, едва ли свое слово сдержу[7] [Пипс 2010: 127 (19.11.1668)].

Контроль извне и одновременно неспособность к самоконтролю — двойная слабость, с которыми Пипс, опять же в будущем, намерен справиться, несмотря на то, что пока даже страх перед Господом оказывается не очень эффективным инструментом для борьбы с соблазнами:

> …клянусь Богом никогда более не обижать ее, о чем с сегодняшнего вечера каждодневно буду молиться в одиночестве у себя в комнате. Господь знает, что пока я не способен еще возносить Ему молитвы от всего сердца, однако, надеюсь, Он сподобит меня бояться Его все больше с каждым днем и хранить верность моей бедной жене [Там же: 128 (19.11.1668)].

Все это позволяет сделать предположение о том, что возможность распоряжаться своим временем, не только наполняя его по своему усмотрению теми или иными событиями, но и конструируя собственные темпоральности, имело большое значение для Пипса и непосредственно связано с проблематикой субъективности в раннее Новое время. И она очень тесно смыкается с осознанием историчности бытия и возможностей повлиять на то, как будет протекать жизнь человека, каким будет его собственное будущее.

В последние годы исследователи стремятся отойти от жестких противопоставлений старого и нового в культуре раннего Нового времени, частного и публичного, субъективности и индивидуальности человека модерности — средневековой включенности в сообщество. И обеты Пипса можно рассматривать с этой позиции, в том числе и в вопросе о культурной приватизации времени, ведь это новое «личное» время, напрямую связанное с самоощущением Пипса, создается им и в публичной, и в частной жизни при помощи вполне традиционных практик обетов, а не вызывающих восторг новых часов, посредством хитростей и уловок, которые пристали скорее воришке времени, чем его законному владельцу, и формирует цикличное время для того, чтобы обеспечить линейное движение вперед.

[7] Любопытно, что и здесь в нарративных конструкциях заметно желание сконструировать определенное будущее «взял с жены слово, что она успокоится, если я пообещаю ей…».

Литература

Пипс 2010 — *Пипс С.* Домой, ужинать и в постель. Из дневника / Пер. А. Я. Ливерганта. М.: Текст, 2010.

Стогова 2017 — *Стогова А. В.* Обман поименованный: ложь, притворство и измена в дневнике Сэмюэля Пипс // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени: Сб. ст. / Под ред. О. И. Тогоевой, О. Е. Кошелевой. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 155–184.

Baker 1995 — *Barker F.* The tremulous private body: Essays on subjection. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1995.

Berger 2005 — *Berger H., Jr.* The Pepys show: Ghost-writing and documentary desire in the diary // Situated utterances: Texts, bodies, and cultural representations / Ed. by H. Berger Jr., J. H. Anderson. New York: Fordham Univ. Press, 2005.

Dawson 2000 — *Dawson M. S.* Histories and texts: Refiguring the Diary of Samuel Pepys // The Historical Journal. Vol. 43. No. 2. 2000. P. 407–431.

Glennie, Thrift 2009 — *Glennie P., Thrift N.* Shaping the day: A history of timekeeping in England and Wales 1300–1800. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.

Hill 1985 — *Hill Ch.* Samuel Pepys // The collected essays of Christopher Hill. Vol. 1: Writing and revolution in 17th century England. Amherst: Univ. of Massachusetts Press, 1985. P. 259–265.

Knights 2014 — *Knights M.* Samuel Pepys and corruption // Parliamentary History. Vol. 33. No. 1. 2014. P. 19–35.

Kohlmann 2009 — *Kohlmann B.* 'Men of sobriety and 'buisnes'': Pepys, privacy and public duty // The Review of English Studies. New Series. Vol. 61. No. 251. 2009. P. 553–571.

Pepys 2000 — [*Pepys S.*] The Diary of Samuel Pepys: Vols. 1–11. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 2000.

Robertson 2005 — *Robertson R.* Censors of the mind: Samuel Pepys and the Restoration licensers // The Dalhousie Review. Vol. 85. No. 2. 2005. P. 181–194.

Sherman 1996 — *Sherman S.* Telling time: Clocks, diaries, and English diurnal form, 1660–1785. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1996.

Taylor 1989 — *Taylor I. E.* Samuel Pepys. Woodbridge: Twayne Publishers, 1989.

Tomalin 2002 — *Tomalin C.* Samuel Pepys: The unequalled self. London: Penguin Books, 2002.

Turner 1995 — *Turner J. G.* Pepys and the private parts of monarchy // Culture and society in the Stuart Restoration: Literature, drama, history / Ed. by G. MacLean. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 95–110.

Samuel Pepys and solemn oaths

Stogova, Anna V.
PhD (Candidate of Science in History)
Senior Researcher, Department of Studies in Theory of History,
Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119774, Moscow, Leninsky Prospect, 32a
Tel.: +7 (495) 938-12-02
Assistant Professor,
Chair of History and Theory of Culture, Faculty of Cultural Studies,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-68-27
E-mail: anna100gova@yandex.ru

Abstract. In this article, the cultural history of time and time measuring is considered in connection with the history of European subjectivity in the early Modern period. The author analyses the famous diary of 17th-century English official Samuel Pepys — a work that researchers frequently regard as a prime example of new notions of time, because of both its day-to-day narrative form, and its modern subjectivity due to the privacy of the diary. This article examines the problem of individualization and privatization of time in early Modern European culture by focusing on Pepys' practices of oaths, which are depicted in the diary. The vows he took to limit his play-going and wine-drinking or to perform some duties are seen as attempts to manipulate time and to construct his own temporality to ensure his future prosperity and respectability. Our analysis considers the practices of self-discipline and the separation of the private and the public sphere that are a part of early modern subjectivity.

Keywords: Samuel Pepys, diary, subjectivity, temporality, self-discipline, oaths

References

Baker, F. (1995). *The tremulous private body: Essays on subjection*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press.

Berger, H. Jr. (2005). The Pepys show: Ghost-writing and documentary desire in the diary. In H. Berger, Jr., J. H. Anderson (Eds.) *Situated utterances: Texts, bodies, and cultural representations*, 218–252. New York: Fordham Univ. Press.

Dawson, M. S. (2000). Histories and texts: Refiguring the Diary of Samuel Pepys. *The Historical Journal, 43*(2), 407–431.

Glennie, P., Thrift, N. (2009). *Shaping the day: A history of timekeeping in England and Wales 1300–1800*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Hill, Ch. (1985). Samuel Pepys. In [Ch. Hill.] *The collected essays of Christopher Hill* (Vol. 1), *Writing and revolution in 17th century England*, 259–265. Amherst: Univ. of Massachusetts Press.

Knights, M. (2014). Samuel Pepys and corruption. *Parliamentary History, 33*(1), 19–35.

Kohlmann, B. (2009). 'Men of sobriety and 'buisnes'': Pepys, privacy and public duty. *The Review of English Studies. New Series*, *61*(251), 553–571.

[Pepys, S.] (2000). *The Diary of Samuel Pepys* (Vols. 1–11). Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press.

Pips [= Pepys], S. (2010). *Domoi, uzhinat' i v postel'. Iz dnevnika* ['Home, sup and to bed': From the diary] [Trans. from [Pepys, S.] (1978–1983). *The Diary of Samuel Pepys*. London: Bell & Hyman]. Moscow: Tekst. (In Russian).

Robertson, R. (2005). Censors of the mind: Samuel Pepys and the Restoration licensers. *The Dalhousie Review, 85*(2), 181–194.

Sherman, S. (1996). *Telling time: Clocks, diaries, and English diurnal form, 1660–1785*. Chicago: Univ. of Chicago Press.

Stogova, A. V. (2017). Obman poimenovannyi: lozh', pritvorstvo i izmena v dnevnike Semiuelia Pips [Denominated deceit: Lie, pretense and adultery in the Diary of Samuel Pepys]. In O. I. Togoeva, O. E. Kosheleva (Eds.). *Strategii obmana v obshchestvakh Srednikh vekov i Novogo vremeni* [Strategies of deception in Medieval and Early Modern societies], 155–184. Moscow: IVI RAN. (In Russian)

Taylor, I. E. (1989). *Samuel Pepys*. Woodbridge: Twayne Publishers.

Tomalin, C. (2002). *Samuel Pepys: The unequalled self*. London: Penguin Books.

Turner, J. P. (1995). Pepys and the private parts of monarchy. In G. MacLean (Ed.). *Culture and society in the Stuart Restoration: Literature, drama, history*, 95–110. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

To cite this article:

Stogova, A. V. (2018). Semiuel' Pips i torzhestvennye obety [Samuel Pepys and solemn oaths]. *Shagi / Steps, 4*(3), 97–114. (In Russian).

Received April 23, 2018